

Поместье герцога славилось множеством домочадцев и воинов, и сейчас они все как один поднялись по тревоге. Поскольку на кону стояла жизнь законного сына герцога, каждый старался изо всех сил. В огромной столице то и дело мелькали фигуры воинов, разыскивающих лекарей и снадобья.

Время было раннее, многие аптеки и клиники еще не открылись, но встревоженных воинов это не останавливало. Они яростно колотили в двери, а те, кто был особенно предан герцогу, и вовсе вышибали их, врываясь внутрь, хватали дрожащих от страха лекарей и, закинув на коней, во весь опор мчались обратно.

Не прошло и часа, как в спальне А-Ху собралось больше десяти докторов. Некоторые из них лишь по прибытии узнали, что им предстоит консилиум и спасение жизни умирающего маленького господина из поместья герцога.

Лэн И тоже спешно вернулся из Императорского дворца. Поскольку он был влиятельным сановником при дворе, Дворцовое управление не посмело медлить и направило вместе с ним лекаря Вана — того самого, что специализировался на лечении юных принцев и принцесс.

По случайному стечению обстоятельств, трое из четырех величайших врачей столицы сами прийти не смогли, но прислали своих учеников, что уже было знаком великого уважения к поместью герцога.

Лу Тайхун сидел в стороне, закрыв глаза и погрузившись в свои мысли, не желая вступать в разговор. Ай Ливэнь же, напротив, всем своим видом изображал знатока, объясняя прибывшим лекарям симптомы А-Ху, при этом ни словом не обмолвившись о том, что изначально подобрал неверное лекарство.

Лэн И сложил руки в приветственном жесте и произнес: Господа, из-за крайней срочности мы побеспокоили вас столь внезапно. Независимо от того, удастся ли вылечить моего сына, я выплачу вам двойной гонорар в знак извинения от имени поместья. А теперь, пожалуйста, приложите все усилия.

Существует расхожее заблуждение, будто чем больше врачей, тем выше шанс на выздоровление пациента, однако это не так. В китайской медицине с древних времен существовали разные школы, чьи подходы к одним и тем же болезням разнились, а порой и противоречили друг другу. В конце концов, медицина берет начало в учении об Инь и Ян, корнями уходит в «Книгу перемен» и «Дао дэ цзин», опираясь на такие труды, как «Хуанди Нэйцзин», «Трактат о повреждениях холодом» и «Золотая палата». Письменные тексты допускают множество интерпретаций, и чем больше времени проходит, тем глубже становятся разногласия.

Конечно, как бы ни спорили школы, первой задачей всегда остается исцеление больного.

Некоторые из лекарей, недолюбливавшие друг друга, поначалу надеялись проявить себя перед герцогом, ведь даже прославленный Лу Тайхун оказался бессилен. Но стоило им узнать

подробности болезни и прощупать пульс, как они притихли. Теперь они лишь медленно попивали ароматный чай, поданный служанками, и хранили молчание.

Лекарь Ван, считавший себя придворным врачом, привык лечить императорских отпрысков. Неизвестно, была ли то удача или что иное, но, помимо болезненного Девятого князя, у него почти не случалось смертельных исходов среди подопечных, что упрочило его статус в Императорской лечебнице. Всех остальных докторов он считал выскочками, жаждущими лишь славы.

Наконец, лекарь Ван подошел к кровати, прощупал пульс и задумчиво произнес: Пульс младенца нестабилен, симптомы — непрекращающаяся рвота. Полагаю, в желудке и кишечнике скопились застойные шлаки. Нужно сначала очистить их, а потом укрепить селезенку. Посмотрим, даст ли это эффект.

Ай Ливэнь погладил бороду: Лекарь Ван действительно проницателен, сразу попал в самую точку.

Лекарь Ван отмахнулся: Вы мне льстите, господин Ай. Давайте сначала попробуем.

Лу Тайхун по-прежнему хранил молчание, но его пальцы незаметно вырвали несколько волосков из его белой бороды.

Глядя на угасающего ребенка, Цзян Ляньцин чувствовала, как сердце разрывается на части. Видя, что остальные врачи не решаются проронить ни слова, и только лекарь Ван составил рецепт, она воспряла духом, вцепившись в ручку сына и шепча сквозь слезы: Все хорошо, А-Ху, тебе скоро станет легче.

Лэн И с мрачным лицом наблюдал за тем, как слуги готовят отвар по рецепту лекаря Вана. Лишь когда чашу с лекарством поднесли к губам ребенка, в его напряженном взгляде мелькнула надежда.

А-Ху исполнился год, и Лэн И увидел его только сейчас, вернувшись из похода. Он и без того чувствовал вину перед сыном, а тут такая внезапная и тяжелая болезнь. Смерть ребенка для родителей — мучительное испытание. Пусть руки Лэн И были обагрены кровью врагов, а на поле боя он проявлял беспощадность, сейчас он ничем не отличался от любого другого отца, чьи мысли были заняты лишь безопасностью сына.

Кормилица дрожащими руками влила в рот малыша несколько ложек отвара. Ребенок мучительно мотал головой, и большая часть коричневой жидкости стекала по уголкам губ на постель. Но даже того немногого, что попало внутрь, хватило, чтобы спустя короткое время его снова вырвало. После этого изнуряющего приступа ребенок, и без того балансировавший на грани жизни и смерти, окончательно побледнел — казалось, он едва дышал.

Лекарь Ван опешил: Что же делать?

На самом деле, когда Ай Ливэнь описывал состояние ребенка, он уже упоминал, что того рвет от любой еды, и желудок не усваивает лекарства. Но лекарь Ван надеялся, что бывают исключения, и его снадобье поможет. Он никак не ожидал, что неприятие лекарств детским организмом окажется столь критическим.

Лекарь Ван растерялся. Каким бы чудодейственным ни было средство, оно должно усвоиться телом, чтобы подействовать. А нынешнее состояние ребенка завело их в тупик: словно видишь слабое место врага, но между вами пролегла непреодолимая пропасть.

Присутствовавшие лекари тяжело вздыхали. По их опыту, спасти ребенка было уже невозможно.

Ай Ливэнь с сожалением произнес: Лекарь Ван, если бы только селезенка и желудок ребенка не были так слабы, этот отвар наверняка помог бы.

Лекарь Ван махнул рукой, изображая скорбь: Увы, увы. Похоже, дитя не судьба спасти. Герцог, я сделал все, что было в моих силах.

После таких слов Лэн И и Цзян Ляньцин поняли всё. Видя, как остальные врачи отводят глаза, не желая смотреть на них, они осознали: их бедному сыну А-Ху пришел конец.

Цзян Ляньцин больше не могла сдерживаться и зарыдала, закрыв лицо руками. Кормилицы и служанки в комнате тоже разрыдались. Тяжелая атмосфера отчаяния мгновенно заполнила все поместье.

Лицо Лэн И потемнело, его била мелкая дрожь. В этот миг он почувствовал небывалое уныние. К чему вся эта внешняя пышность и могущество поместья герцога, если они не могут спасти жизнь собственного сына? Если бы это могло помочь, он был бы готов отказаться от титула и всю жизнь провести в молитвах, лишь бы ребенок выжил.

После долгой тишины Лу Тайхун, который до сих пор молчал, вдруг погладил бороду и проговорил: Есть один человек, который, возможно, сумеет исцелить вашего сына.

Как только Лу Тайхун произнес это, все присутствующие вздрогнули от изумления.

Собравшиеся здесь лекари были лучшими специалистами, которых можно было найти в столице. И если даже лекарь Ван, мастер педиатрии, оказался бессилен, что могли сделать остальные? К тому же, трое великих медиков отсутствовали по уважительной причине, но даже так, люди не могли припомнить ни одного врача в городе, способного справиться с настолько редкой и тяжелой болезнью.

У Лэн И, в чьей душе почти погасла надежда, вновь вспыхнул огонек. Он едва сдержал хриплый крик: Кто это? Я немедленно отправлю за ним людей!

Лу Тайхун медленно произнес: Княгиня Цзю.

Толпа вновь ахнула. Что за человек эта княгиня Цзю и почему Лу Тайхун столь высоко ее ценит?

Лишь лекарь Ван скривился в усмешке и сердито взмахнул рукавами: Как может простая женщина лечить болезни? Даже если у нее были успехи — это лишь случайность, не стоит принимать всерьез.

Лу Тайхун проигнорировал лекаря Вана и обратился к Лэн И: Герцог, княгиня Цзю не только спасла Хуай-вана, когда того уже готовили к погребению, но и в Зале Сотни Трав вылечила пациента, которого даже я признал безнадежным. Ее искусство возвращать к жизни поражает воображение. Я сказал все, что знал. Решать вам — пробовать или нет.

Цзян Ляньцин, лежавшая на кровати в слезах, резко подняла голову: Почему бы не попробовать? Поместье герцога много лет содержало Девятого князя. Если княгиня Цзю действительно обладает таким искусством, пусть приедет. Вылечит — значит, такова её удача, а если нет, то от ответственности за смерть моего сына ей не уйти.

Лэн И, решив действовать по принципу спасения утопающего, взмахнул рукой: Где Лю Шэн?

Лю Шэн, ожидавший за дверью, согнулся в поклоне: Я здесь, господин.

Немедленно отправь воинов за княгиней Цзю! И помни — скачите на самых быстрых конях!

Слушаюсь, господин.

Вскоре из ворот поместья вылетел всадник, помчавшись по направлению к Резиденции Девятого князя.

Меньше чем через полчаса гонец был у врат Резиденции. Ван Сян спрыгнул с коня и забарабанил в старые железные ворота: Люди из поместья герцога! Скорее открывайте!

Вскоре двое слуг отворили ворота.

Ван Сян почти прокричал: Герцог просит княгиню Цзю приехать в поместье, чтобы осмотреть маленького господина! Она дома? Прошу, скорее передайте ей!

Слуги были наслышаны о врачебном таланте княгини, но, видя крайнюю степень возбуждения Ван Сяна, не спешили с места. Они замялись: Господин, княгиня только что уехала, её сейчас нет в Резиденции.

Что? — Ван Сян застыл от растерянности.

Куда она отправилась?

Этого мы точно не знаем. Кажется, поехала в лавку румян.

В столице было несколько знаменитых лавок румян, расположенных в разных концах города. Если искать в каждой, можно упустить драгоценное время, и тогда он, верный слуга, не сможет ответить за исход дела.

Гао Юань, Линь Цин, вы здесь? Сколько у нас есть быстрых коней в Резиденции? Чего стоите? Скорее доложите Девятому князю!

Двое слуг помчались вперед, указывая дорогу, а взмокший от пота Ван Сян поспешил за ними.

Резиденция Девятого князя была небольшой. Пройдя немного, Ван Сян увидел довольно обветшалое строение. Привыкший к роскоши поместья герцога, он не ожидал, что здесь все будет выглядеть настолько бедно.

Павильон Руи не был старой лавкой румян в столице, но в последние годы благодаря уникальным рецептам и ароматам он привлек множество знатных дам. Слухи о качестве товара разлетелись быстро, и дела пошли в гору. В просторном зале лавки то и дело мелькали длинные платья, а в воздухе витал легкий аромат.

Госпожа, в Павильоне Руи мы используем только цельные лепестки цветов, перетертые в каменных ступах, промытые и смешанные с цветочной росой и медом, поэтому наша косметика не только улучшает цвет лица, но и питает кожу.

Девушка лет шестнадцати в нежно-зеленом платье терпеливо объясняла новой клиентке особенности товара.

Она доставала из шкафчиков коробочки с румянами: из мальвы, сафлора, календулы, дурмана, жасмина, анютиных глазок, цезальпинии... Все они хранились в изысканных резных деревянных шкатулках. При открытии ощущался свежий аромат, а если нанести капельку на тыльную сторону ладони, кожа мгновенно становилась нежной и гладкой.

Некоторые старые клиентки, узнав новую покупательницу, прикрыли рты ладонями и рассмеялись: Госпожа Кун, не будьте так придирчивы. Только вчера завезли новую партию, поэтому сейчас есть из чего выбирать. А через пару дней придется брать то, что останется, и ждать следующей поставки.

Госпожа Кун, не устояв перед новинками, тут же приказала служанке взять по одному экземпляру каждого вида на пробу.

Цзо Хунцю слегка приподнял жемчужную занавеску, наблюдая за залом из внутренней комнаты. С самого открытия Павильон был переполнен, и поток посетителей не ослабевал.

Он опустил занавеску и тихо спросил: Юй Чжэн, есть новости от моего наставника?

Средних лет мужчина в черном халате, похожий на управляющего, почтительно склонился: Старый хозяин все еще не выходит на связь, полагаю, он отправился странствовать по свету.

Цзо Хунцю вздохнул: Так внезапно передать мне Павильон Руи... Он действительно очень доверчив.

Юй Чжэн улыбнулся: Хозяин обладает выдающимися способностями, почему бы старому хозяину не быть спокойным?

Цзо Хунцю слегка улыбнулся: Те люди, которых я просил, уже прибыли в усадьбу в городе?

Юй Чжэн стал серьезен: Да. Если у вас будут распоряжения, они готовы действовать в любой момент.

Пока не спеши, жди моих указаний. Усадьба далеко от Резиденции, мне неудобно туда часто наведываться, так что буду приходить сюда. — Цзо Хунцю задумался.

Слушаюсь, понял.

Цзо Хунцю поднялся: Мне пора выходить, а то моя служанка, если не увидит меня, еще чего доброго, в слезы ударится.

В зале толпились люди, никто не заметил, как из внутренней комнаты вышла девушка в светлом платье. Она не успела сделать и пары шагов, как навстречу выбежала заплаканная служанка: Госпожа, госпожа, куда же вы пропали? Вы не оставите меня здесь одну? У-у-у...

Цзо Хунцю подошел к ней и с досадой сказал: Цзы Хань, разве я не просил девушек из лавки помочь тебе с выбором румян?

Цзы Хань, увидев свою госпожу, мгновенно сменила слезы на улыбку: Это... служанка просто беспокоится, стоит мне потерять вас из виду хоть на миг.

Павильон Руи представлял собой двухэтажное здание, выходящее фасадом на улицу.

Чтобы не вызывать лишних подозрений, Цзо Хунцю купил две коробочки румян и вместе с Цзы Хань спустился вниз. Дин Эр, издав далеко заметив фигуру госпожи, тут же подогнал карету к

входу.

В этот момент прохожие слышали быстрый топот копыт. Черная фигура, припав к шее лошади, яростно хлестала ее кнутом: Но... но! Скорее... прочь с дороги!

Когда всадник приблизился к карете у Павильона, он резко натянул поводья. Лошадь встала на дыбы и издала пронзительное ржание.

Дин Эр опешил: Господин Линь?

Линь Цин спрыгнул с коня, в три прыжка оказался у кареты, встал на колени и сложил руки: Госпожа, из поместья герцога прислали людей с просьбой помочь маленькому господину.

Цзо Хунцю приподнял занавеску: Князь знает об этом?

Линь Цин ответил: Князь в курсе. Поскольку он не знал, в какой именно лавке вы находитесь, он отправил людей по нескольким направлениям.

Цзо Хунцю опустил занавеску: В таком случае, направимся напрямиком в поместье герцога.

Два дня назад, когда он навещал поместье вместе с Девятым князем, он заметил, что, кроме Старшей госпожи, которая искренне любила князя, остальные — даже его дядя — проявляли лишь показное внимание. Что уж говорить о герцогине Цзян Ляньцин, которая и вовсе держалась холодно.

Однако, как бы там ни было, кровные узы между Девятым князем и поместьем герцога не разорвать — они связаны одной судьбой. Раз уж беда случилась с сыном герцога, стоит взглянуть. Болезни у детей часто протекают гораздо опаснее, чем у взрослых, и он не был уверен, удастся ли ему помочь.

Линь Цин поклонился: Госпожа, я вернусь и доложу князю, чтобы он не волновался.

Из кареты донесся спокойный ответ: Хорошо, возвращайся. Дин Эр, поторопись.

Дин Эр знал, что чем быстрее они приедут, тем выше шанс спасти ребенка, поэтому гнал лошадей во весь опор. Двум девушкам в карете пришлось несладко — даже несмотря на толстые подушки на сиденьях, их трясло так, будто кости вот-вот разлетятся.

Спустя некоторое время карета остановилась у ворот поместья герцога. Дин Эр высунулся и закричал: Скорее открывайте! Наша госпожа приехала лечить маленького господина! Открывайте!

Привратник упрямо выглянул наружу и увидел, что рядом с каретой нет никого из воинов или слуг герцога.

Десяток лекарей, что заходили раньше, сопровождали знакомые воины, поэтому привратник без лишних вопросов пускал их внутрь. Но эта карета...

Если вы пришли лечить, есть ли у вас подтверждение? — Привратник, опасаясь сорвать дело герцога, решил уточнить.

Дин Эр замялся: Подтверждение? Какое подтверждение? Вас прислали за нашей госпожой, а вы еще просите подтверждение?

Привратник усмехнулся: Госпожа? Какая еще госпожа? В нашем поместье полно важных дел, посторонних пускать нельзя. Если я не выясню всё до конца, это будет моей халатностью.

Цзо Хунцю слегка приподнял занавеску и, увидев привратника, который пару дней назад создавал им с Девятым князем трудности, произнес: Молодой человек, если бы нас не позвали из Резиденции, мы бы не стали заявляться без приглашения. Пожалуйста, доложите — и сразу узнаете правду.

Привратник отвернулся и потер большой палец об указательный: Докладить можно, но нужно соблюдать правила.

Дин Эр, видя подобное высокомерие, гневно воскликнул: И не подумаю! Если ваш молодой господин умрет из-за того, что нас не пустили, вы готовы нести за это ответственность?

Привратник сложил руки на груди и насмешливо фыркнул: Лучшие лекари всей столицы уже здесь, даже из Императорской лечебницы люди прибыли. Думаете, ваша госпожа способна на то, что не под силу им? Пусть я неграмотный, но с детства знаю: женщины не могут быть врачами. Вы явно хотите воспользоваться суматохой в своих целях. Я еще думал пойти вам навстречу, но теперь скажу: пока я здесь стою, вам внутрь не попасть.

Дин Эр побелел от злости и уже хотел ответить, как из-за занавески показалась изящная рука, а вслед за ней раздался холодный голос: Если в поместье герцога такое отношение, зачем нам унижаться? Дин Эр, уезжаем.

Слушаюсь, госпожа.

Дин Эр с досадой хлестнул лошадь, и карета медленно развернулась, направляясь обратно.

Привратник сплюнул вслед удаляющейся карете: Ишь ты. Поместье герцога кормит вас, а вы еще смеете тут нос задирать. Настоящие неблагодарные щенки.

В это же время в комнате А-Ху столичные лекари, услышав, что неизлечимую болезнь Хуай-вана вылечила какая-то никому не известная женщина, в изумлении замерли.

Они прекрасно помнили, что тогда Хуай-вана пытались лечить лучшие умы столицы, но его состояние не улучшалось. Четверо величайших врачей города тоже там были. И хотя сейчас здесь не было троих из них, их ученики хорошо помнили ту историю.

<http://bllate.org/book/21872/2270686>